

Текст · 21 июня 2023, 06:53

Алла Константинова,

«Папа, нас хотят усыновить». Главное из докладов «Мемориала» об украинских детях — вывезенных в Россию, бежавших в Европу и тех, кто остался в Украине, но лишился дома

Антидискриминационный центр «Мемориал»-Брюссель выпустил три больших доклада об украинских детях, вынужденно покинувших дом из-за войны: кто-то из них стал переселенцем и живет теперь в другой части страны, кто-то — один или в сопровождении взрослых — бежал в Евросоюз, а кого-то вывезли в Россию. «Медиазона» коротко пересказывает содержание этих докладов.

Над докладами правозащитники из АДЦ «Мемориал»-Брюссель работали в сотрудничестве с украинскими экспертами и при поддержке французского государственного фонда *Fondation de France*. Все три документа опубликованы на сайте центра с разницей в несколько дней.

«Среди многих военных преступлений, творимых Россией в отношении украинского населения, именно вывоз детей оказался наиболее очевидным признаком нарушения норм международного права», — постулируют авторы.

Напрямую информировать Украину о вывезенных детях Россия отказывается, мотивируя это тем, что украинская сторона не направляла в аппарат

российского уполномоченного по правам детей официальных^[1] обращений.

Данные российских источников о числе украинских детей, оказавшихся в России, правозащитники называют «спекулятивными»: так, сообщалось, что к началу прошлого учебного года в России находились около 550–600 тысяч детей-беженцев, но в итоге в школы 1 сентября 2022 года пошли в два раза меньше, говорится в докладе. При этом уже спустя полгода, в апреле 2023 года, уполномоченная по правам ребенка Мария Львова-Белова отчитывалась, что после начала войны только из самопровозглашенных ЛНР и ДНР в Россию прибыли более 730 тысяч детей.

Украина по состоянию на 30 мая идентифицирует как депортированных на территорию России 19 484 ребенка, еще 371 депортированного ребенка удалось вернуть.

Недобровольный отдых. Как украинских детей вывозят в Россию

Составители доклада о нарушении прав украинских детей, перевезенных после начала войны в Россию и Беларусь, выделяют две группы пострадавших. Первая — это разлученные с родителями или опекунами дети, которые в начале войны находились в лагерях отдыха и санаториях, а также воспитанники детских учреждений Украины и оккупированных территорий.

Эту группу правозащитники делят еще на несколько подгрупп:

— дети с оккупированных территорий, чьи родители или опекуны дали согласие на «отдых» в Крыму, южных регионах России или Беларуси, а потом оказались разлучены с ними. В февральском [докладе](#) Йельской школы общественного здравоохранения говорилось, что зафиксированы случаи, когда такое «согласие» было получено принудительно. Иногда родителям приходилось оформлять доверенность на сопровождение ребенка в отношении неназванного лица;

— дети, отдыхавшие на территориях Украины, которые в 2022 году оказались захвачены российскими войсками — при этом их родители не давали согласия на вывоз детей в Россию;

— дети, разлученные с родственниками во время боев или вынужденной эмиграции (например, [при процедуре фильтрации](#) на границе);

— потерявшие родственников.

Вторая группа — это дети, выехавшие в Россию или Беларусь вместе с родственниками или опекунами. При этом чаще всего Беларусь выступает транзитной страной или [принимает](#) «на отдых» в детские лагеря, уточняют правозащитники. «О навязывании беженцам гражданства Беларуси нет данных», — говорится в докладе.

Его авторы подчеркивают, что некоторых воспитанников детских учреждений на территориях

самопровозглашенных ЛНР и ДНР российские военные начали организовано вывозить в Россию еще до начала вторжения — с середины февраля 2022 года. Например, 20 февраля в Ростов-на-Дону привезли 74 сироты из луганского дома ребенка, об этом говорилося в официальном сообщении правительства Ростовской области. За день до начала полномасштабной войны «Российская газета» опубликовала заметку о том, что в комплексе «Ромашка» под Таганрогом разместили 250 детей, которых 19 февраля вывезли «из нескольких детдомов Донецка». Как позже выяснила «Верстка», в «Ромашке» разместили около 400 детей из четырех интернатов Донецка и Угледгорска, а 27 из них отправились (об этом журналистам сообщила омбудсмен по правам ребенка в Московской области Ксения Мишонова) в семьи опекунов в Подмосковье.

«Дети сначала содержались в больницах, лагерях, санаториях и других временных приютах, перевозились вглубь российской территории, помещались там в детские учреждения, — говорится в докладе "Мемориала". — Некоторые из не имевших родительской опеки детей были переданы под опеку в российские приемные семьи. Под предлогом преодоления формальных препятствий для семейного устройства и получения социальной и медицинской помощи им было присвоено^[2] российское гражданство».

17 марта Международный уголовный суд (МУС) в Гааге выдал ордер на арест Владимира Путина и уполномоченной по правам ребенка Марии Львовой-Беловой. По версии суда, они оба несут

ответственность за незаконную депортацию детей из Украины и с оккупированных территорий.

До того как Международный уголовный суд выдал ордер на ее арест, говорится в докладе, Львова-Белова часто упоминала в интервью усыновление украинских детей в России, однако после решения МУС стала подчеркивать, что речь шла об опеке^[3], а усыновление к украинским

детям в России не применялось никогда.

«Передача детей под опеку и попечительство была определена как предпочтительная форма устройства несовершеннолетних», — говорится в бюллетене на сайте Львовой-Беловой, опубликованном в апреле.

«Все эти дети устроены временно — на шесть месяцев, — цитируют авторы доклада ее выступление на встрече с главами самопровозглашенных ЛНР и ДНР также в апреле этого года. — А это значит, что за полгода нам с вами необходимо разработать механизм или найти подходящее решение для того, чтобы они остались в семье на постоянной основе. Сегодня наша общая задача — выступить в интересах детей и максимально улучшить их положение».

Разлука, ПТСР, буллинг. Что происходит дальше

Исследователи Йельской школы общественного здравоохранения, на которых ссылаются авторы доклада, проследили судьбу около шести тысяч перевезенных в Россию украинских детей и установили как минимум 43 учреждения, где их содержат, от Крыма и Ростовской области до Урала,

Сибири и Дальнего Востока. О прибытии в регион 38 украинских детей, «потерявших родителей и ставших сиротами», в октябре 2022 года докладывали власти Липецкой области. В начале октября 2022 года около 60 детей от пяти до 16 лет, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, прибыли в Нарышкинскую школу-интернат в Орловской области из детских домов самопровозглашенной ДНР. Как минимум 39 детей из донецкого интерната № 1 в октябре привезли в Киров и еще 32 — в Башкортостан.

Авторы доклада обращают внимание на комментарий министра семьи, труда и социальной защиты населения Башкортостана Ленары Ивановой, которая тогда сообщила, что десять привезенных в республику детей оказались разлучены с братьями или сестрами, попавшими в детские учреждения других российских регионов.

Украинские семьи, эвакуированные в Россию «в экстренном массовом порядке»^[4], как правило, сначала попадают в пункты временного размещения (ПВР), а затем либо легализуются в России, либо возвращаются на оккупированные территории Украины, либо выезжают в страны Европы, получая там временную защиту. Живут в ПВР в том числе и дети-сироты, говорится в докладе.

«В ПВР многие дети, в том числе дети-сироты, проводят длительное время, по крайней мере несколько месяцев, а некоторые — уже больше года, — пишут правозащитники. — Реализация их прав затруднена: они испытывают проблемы при интеграции в школьную среду, не получают

необходимой психологической помощи, в то время как практически все они травмированы обстоятельствами войны, эвакуации, фильтрации и эмиграции, многие разлучены с другими членами семьи или потеряли родных».

В октябре прошлого года, по данным РИА «Новости», в России работали 807 ПВР. Однако волонтеры рассказывают правозащитникам, что отследить, сколько всего их было создано и какое число взрослых и детей через них прошло, довольно трудно. В региональных ПВР «очень по-разному все устроено», говорят они.

«Я был в разных ПВР в Ростовской, Курской и Тульской областях, — рассказал АДЦ "Мемориал" один из волонтеров. — В Тульской области — в пяти-шести ПВР. В марте 2022 года я был в Курской области — там было больше десяти ПВР. Потом какие-то из них расформировывали, на другом месте открывали другой и т. д. Из-за этого очень сложно понять, сколько в каком регионе их работает. С людьми то же самое. В разных ПВР, где я лично был, число детей колеблется от 20 до 120 человек. Когда мы летом ездили по ПВР уже в рамках детских лагерей, мы посчитали, что в наших занятиях за летние месяцы участвовало более тысячи детей из 25 разных ПВР».

Многие ПВР находятся в сельской местности, поэтому у беженцев возникают проблемы с доступом к услугам и медицинской помощи, взрослым трудно найти работу, а детям не всегда удобно добираться в школу. Удаленность ПВР сама по себе нарушает право украинских детей на образование, считают

правозащитники. Также в списке — невозможность изучать украинский язык и учиться на нем, различия в школьных программах двух стран, проблемы с доступом в интернет и буллинг — иногда даже со стороны преподавателей. О проявлениях агрессии в одной из сельских школ Калужской области в докладе рассказывает анонимный волонтер.

«Школа была совершенно не готова к тому, что детей станет в один момент почти в два раза больше, причем детей никому не знакомых, — цитируют его правозащитники. — Так как это были украинские дети, то сразу же в отношениях с учителями и между самими детьми появился политический мотив. Учителя сразу очень напряглись. Много было случаев, когда учителя оскорбляли украинских детей нецензурными выражениями за их национальность. Кроме того, учителя просто не знали, что с этими детьми делать, так как почти все дети были с ПТСР^[5]. Они громко кричат, срывают уроки и в целом часто ведут себя неконвенционально. Учителей никто к этому не готовил. В основном преподавательский состав — это женщины старше 50 лет, и они понятия не имеют, как в таких ситуациях себя вести. Обученных психологов в школах тоже нет, и психологическая помощь, соответственно, не оказывается».

Российские школы также «пронизывает милитаристская пропаганда и антиукраинская, антизападная идеология», и украинские дети перед ее лицом наиболее уязвимы, говорится в докладе.

«Часть украинских детей сознательно сразу пошли в кадетские классы, — говорит один из

волонтеров, работающих в ПВР. — Вообще, они все постоянно играют в войну и очень любят всякие милитаризированные вещи. Наши психологи говорят, что таким образом они сублимируют свою травму».

В 21 из 24 интернатов, куда были помещены в августе 2022 года более 400 украинских сирот, вывезенных с оккупированных территорий, также проводились программы «военно-патриотического» воспитания, **выяснил** «Дождь». На таких занятиях детей учат делать «окопные свечи», рисовать открытки на фронт, а воспитанники Рыбновской школы-интерната, как можно узнать в **одноименном сообществе** «ВКонтакте», вместе смотрят брифинги Минобороны.

Фото: AP

«Папа, нас хотят усыновить». Как детей возвращают обратно в Украину

Пытаясь вернуть своих детей, украинцы сталкиваются с серьезными трудностями: в первый год войны российские власти утверждали, что сделать это можно только лично, и только весной 2023 года начали разрешать детям выезжать в Украину по доверенности с сопровождающими. При этом поездка в Россию для многих граждан Украины непосильна как по финансовым, так и по логистическим причинам.

Осенью 2022 года при отступлении из Херсона российские власти без согласия родителей вывезли 16-летнего подростка с аутизмом из города Олешки в Херсонской области, историю его семьи рассказывала «Верстка». До момента «эвакуации», как это называли российские чиновники, юноша находился в интернате, а родители его регулярно навещали. Вернуть подростка удалось только спустя восемь месяцев. Мама мальчика вместе с несколькими украинками через Польшу и Беларусь добралась в Москву, а оттуда — в аннексированный Крым. «Первое, о чем я подумала, — смогу ли я вернуться оттуда?» — признавалась журналистам украинка.

Весной этого года вернулся домой и 14-летний подросток из Балаклеи, который в августе 2022 года отправился «на отдых» в детский лагерь «Медвежонок» в Краснодарском крае, где против своей воли остался на полгода. Как писала Русская служба «Би-би-си», вернуть мальчика его семье помог украинский благотворительный фонд «СОС Дитячі містечка Україна». Мать оформила в Украине нотариальную доверенность, которую затем заверила в Москве мачеха другого застрывшего в России

ребенка из Харьковской области — она и стала сопровождающей подростка.

Отца-одиночку из Мариуполя Евгения Межевого и его троих детей в апреле 2022 года разлучили на блокпосту в Мариуполе. Детей тогда увез «эвакуационный автобус» — сначала в Донецк, а затем в подмосковный санаторий «Поляны». Межевого тем временем повели на допрос, а после поместили в колонию для военнопленных в Еленовке, откуда без объяснений выпустили через 45 дней. В середине июня ему позвонил старший сын.

«Папа, приехали из соцслужбы, нас хотят усыновить, — вспоминал Евгений этот звонок в разговоре с "Радио Свобода". — Не могут они нас привезти в Донецк, потому что там сильно стреляют. Мы либо в интернат, либо нас усыновят. Они сказали, что у тебя максимум пять дней». Он приехал через два. С деньгами на билет в Москву Межевому помогли волонтеры, сейчас он и трое его детей живут в Латвии.

Как говорится в мартовском докладе Независимой международной комиссии ООН, который цитирует «Мемориал», ни в одном из случаев, рассмотренных комиссией, перемещения украинских детей российскими властями «не были оправданы соображениями безопасности или медицинскими показаниями». Изучив доступные истории перевезенных в Россию детей, эксперты не нашли подтверждений тому, что их было невозможно или опасно доставить на подконтрольную Украине территорию.

«Особый цинизм аргументации о вывозе детей с целью их спасения состоит в том, что опасность для детей создала сама Россия», — заключают авторы доклада.

«От тревоги не мог говорить — меня трясло». О чем говорится в двух других докладах АДЦ «Мемориал»

Два других доклада антидискриминационного центра «Мемориал» посвящены проблемам украинских детей, которым из-за войны пришлось переезжать внутри страны или бежать за границу.

По данным Министерства по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий Украины, на октябрь 2022 года более 7 млн украинцев стали внутренне перемещенными лицами (ВПЛ), из них более миллиона — это дети.

У 2,5 млн граждан Украины жилье оказалось частично разрушено или повреждено, более чем у 170 тысяч человек — разрушено полностью, сообщает ведомство. Около миллиона граждан Украины нашли убежище в 5 670 местах компактного проживания переселенцев в пределах страны, говорится в совместном докладе АДЦ «Мемориал» и Украинского института социальных исследований имени Александра Яременко.

С первого дня войны многие украинцы столкнулись с необходимостью переехать в непригодные или некомфортные жилища, люди часто селятся

там, «где дали», рассуждает одна из опрошенных правозащитниками украинок.

«По результатам выборочных обследований в Волынской области, каждый второй ребенок не имеет собственной кровати и разделяет общую кровать с мамой, бабушкой или сестрой/братом, — говорится в докладе о вынужденных переселенцах внутри Украины. — При отсутствии собственного жизненного пространства у детей возникают дополнительные психологические риски апатии и депрессии».

Большинство школ в тех регионах Украины, где ведутся или велись боевые действия, с первых месяцев войны перешли на дистанционное обучение. А вот дополнительные и развивающие занятия для детей или детский оздоровительный отдых на территории Украины война существенно ограничила, говорится в докладе. Испытывают переселенцы и психологические проблемы: 96% переживают «отрицательные состояния» различной степени тяжести — от растерянности и чувства безнадежности до чувства вины перед оставшимися дома и апатии.

Авторы доклада цитируют данные [опроса](#) Харьковского института социальных исследований, его сотрудникам удалось поговорить с родителями из шести областей Украины. 77% детей опрошенных пережили обстрел, бомбардировку или другое потрясение, последствия которого сказываются до сих пор.

Точных данных о количестве украинских детей за границей пока нет, в том числе из-за постоянно меняющейся ситуации, уточняют правозащитники. Но, по разным оценкам, доля детей среди беженцев варьирует в пределах 34–40%, то есть с начала российского вторжения Украину покинули около 3 млн детей и подростков.

Поговорив с бежавшими от войны семьями, сотрудниками общественных организаций и волонтерами, авторы [доклада](#) «Положение детей из Украины в странах Европы» делают выводы, что основные трудности взрослых переселенцев и их детей связаны с непризнанием за границей некоторых документов (в том числе вынужденно полученных жителями оккупированных территорий), незнанием иностранных языков и интеграцией в целом.

По [данным](#) Европейской комиссии, в страны Евросоюза с начала российского вторжения без сопровождения взрослых въехали почти 23 тысячи несовершеннолетних украинцев. При этом авторы подсчетов признают, что они основаны на неполных данных, и предполагают, что реальное число таких детей в ЕС выше.

«Украинские правозащитные организации с тревогой отмечали отсутствие достоверных данных о несопровождаемых детях за границей и расхождение с данными их учета в Украине, в том числе информируя об этом международные органы, — говорится в докладе АДЦ "Мемориал". — Эта проблема могла бы быть решена путем заключения двусторонних соглашений между Украиной и

другими странами, подобных уже имеющимся межправительственным соглашениям Украины с Польшей и Литвой».

В докладе приводится история 16-летнего подростка из донбасского села на подконтрольной Украине территории, который неделю самостоятельно добирался до Киева через Россию и прошел «фильтрацию».

«В конце 2022 года я решил уехать, — рассказывает он. — Перевозчик повез по "нелегальной тропе". Ехали на автобусе в Белгород, в РФ, я всем говорил, что еду к дяде отмечать Новый год [никакого дяди в Белгороде не существует]. Въехали в РФ, но оказалось, что надо проходить блокпост при подъезде к Белгороду. Там проверяли документы, проверяли всех по базам, меня увели в райотдел на допрос. От тревоги почти не мог говорить — меня трясло. В райотделе поселка NN долго допрашивали российские полицейские. Было страшно, надо мной стоял мент с автоматом. На допросе я назвал адрес, куда я якобы еду к дяде. Был вопрос "Как относишься к войне?", сняли отпечатки пальцев, заставили сдать анализ слюны на ДНК. Только к утру отпустили. Весь автобус меня ждал до утра».

Обратный путь, по словам подростка, был эмоционально легче; сейчас он живет вместе со старшей сестрой в одной из европейских стран.

«Через Белгород проехали в КПП в поселке NN, это уже граница, Сумская область Украины, — вспоминал юноша. — Там тоже допросили — уже украинские пограничники, потом еще на фильтрационном

пункте проверили телефон, потом допросили военные: не сотрудничал ли с оккупантами, видел ли технику. Это не было страшно, я сказал правду, что еду к сестре».

Правозащитники также выявили внутри Евросоюза разные юридические подходы к приему детей из Украины. В некоторых европейских странах сопровождающего взрослого по приезду не признают опекуном ребенка.

«Директор детского дома, организованно эвакуированного в Италию 17 марта 2022 года, сообщила, что ее права опеки над 24 воспитанниками не были официально признаны в Италии, — приводят пример правозащитники. — В Италии случаи непризнания полномочий тех, кто сопровождал детей при эвакуации, касаются родственников детей: иногда доверенности на бабушку или тетю или иные документы, подтверждающие их родство с ребенком или полномочие, не признаются, и Ювенальным судом назначается официальный опекун, при этом детей разделяют с теми, с кем они прибыли в Италию».

Трудности с чиновниками у беженцев могут возникать из-за языкового барьера и незнания правовых процедур и требований, добавляют правозащитники. Иногда проблемы связаны со вскрывшимися фактами домашнего насилия, например, правозащитникам известны по крайней мере пять случаев изъятия детей из украинских семей в Швеции. Ассистент учителя средней школы на севере Норвегии рассказал авторам доклада, что недопустимости домашнего насилия пришлось

посвятить отдельное занятие для вновь прибывших в страну родителей.

«Пришел специалист из "Барневарн" [службы защиты детей], провел инструктаж, — приводятся его слова в докладе. — Разъяснил права, обязанности: бить детей, повышать голос нельзя. Если выявлена проблема, то взаимодействие с "Барневарн" обязательно, родители не могут от этого отказаться или игнорировать эту помощь. Работает социальный психолог, все консультации для родителей проводятся с переводчиком. Эта помощь очень деликатная. Например, у нас в школе есть проблемные детки, консультации в нашем случае инициирует школа. Приходит специалист, сидит на уроках, наблюдает, делает записи».

Некоторые опрошенные правозащитниками дети жалуются на трудности в школе: кто-то чувствует себя чужаком и не может подружиться с иностранными сверстниками, а кто-то планировал продолжать учебу дистанционно, но не получилось.

«Мы приехали в конце марта [2022 года] из Киева, — рассказывает авторам доклада 15-летняя украинка, живущая теперь в Баварии. — Нас пригласили в школу в середине апреля, но сейчас я поняла, что это была даже не школа, а общий курс для украинских детей-^[6]. Немцы боялись нас оставить дома — как мне объяснила мама, тут дети все без исключения должны ходить в школу или могут возникнуть проблемы у родителей. Я не хотела ходить в школу, так как училась онлайн в украинской и мне этого было достаточно. Но решение идет не от меня, а от родителей. Я ходила в немецкую школу до августа.

Мне не понравилось, нас игнорировали учителя и ученики, нас не замечали».

Авторы исследования отдельно сообщают о дискриминации ромских беженцев из Украины в Восточной и Центральной Европе. Например, в апреле 2022 года независимая европейская медиасеть *Euractiv* [сообщала](#), что многие ромы, бежавшие от войны в Украине в Венгрию, стали постепенно возвращаться домой из-за отказа в предоставлении гуманитарной помощи. О похожих проблемах сообщали ромские беженцы в Чехии, Польше, Молдове и других странах ЕС.

В заключительной части доклада авторы призывают власти ЕС пересмотреть подход к защите прав украинских детей и их семей. Например, продлить сроки разрешенного временного проживания.

«Принимающим странам необходимо признать, что дети — как приехавшие с членами семей, так и привезенные группами в рамках государственных программ поддержки выезда детей в институциях — в новых странах оказались надолго, — считают в АДЦ "Мемориал". — Многие из детей это уже и сами понимают — отвечая на вопросы о своих планах на будущее, подростки все чаще отвечают: "Получить образование в ЕС, потом ехать восстанавливать Украину"».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. 18 марта вице-премьер правительства Украины Ирина Верещук опубликовала в телеграме обращение к российской

уполномоченной по правам ребенка Марии Львовой-Беловой и уполномоченной по правам человека Татьяне Москальковой с призывом передать украинской стороне списки детей, вывезенных в Россию после начала вторжения или находящихся на оккупированных территориях.

2. В марте 2022 года Владимир Путин упростил получение российского гражданства для украинских сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

3. На самом деле Львова-Белова говорила об этом и до решения МУС. На сайте «Милосердие.ру» можно найти публикацию от 21 ноября 2022 года, в которой пресс-служба уполномоченной заверяет, что «усыновление детей из ДНР и ЛНР российскими гражданами как возможная форма устройства никогда не рассматривалась в качестве приоритетной и на практике ни разу не применялась».

4. Формулировка из постановления российского правительства от 12 марта 2022 года.

5. Посттравматическое стрессовое расстройство.

6. В Германии для украинских беженцев, не владеющих немецким, созданы интеграционные классы.